

Мухаметзянова Лилия Хатиповна

ДАСТАН "ТАХИР И ЗУХРА" ТАТАРСКОГО НАРОДА: ВАРИАНТ В. РАДЛОВА

Статья посвящена дастану о Тахире и Зухре, записанному В. Радловым у сибирской этнической группы татар. Автор исследует влияние устного и письменного эпоса на данный вариант, отмечает два источника варианта В. Радлова - это, несомненно, традиции устно бытовавших дастанов, а также литературно-письменные эпические традиции татар Поволжья. Выдвигая концепцию о татарских книжных дастанах, в рассматриваемом варианте, автор раскрывает сочетание фольклорных и индивидуальных начал.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 132-134. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

В повестях В. Распутина, В. Астафьева, Е. Носова мир дома изображен как мир ритуальный, обрядовый. Именно здесь авторы особенно ярко и полно выделяют нормы бытового поведения как поведения нравственного, духовного.

Таким образом, в художественной картине мира В. Распутина, Е. Носова образ дома опоэтизирован, возведен как сакральный центр народного мира. Универсальный концепт «дом» является бесценным ключом к пониманию культуры, поскольку передает специфику образа жизни и мышления народа. Главным средством репрезентации образа дома являются «социальные, семейно-бытовые виды обрядов» [5, с. 5-6]. Соблюдение или нарушение их символизирует трагическое противостояние целостного, укладного мира и мира рушащегося, катастрофического. Индивидуально-авторские знания о мире формируют специфические концептосферы посредством различных способов репрезентации концепта «дом» в художественных текстах. Авторы часто употребляют метафоры очеловечивания дома. На материале повестей «деревенской прозы» можно выделить следующие грани концепта «дом»: дом – сакральное место; упорядоченная модель вселенной; обитель духовных сил.

Список литературы

1. Аникин В. П. Фольклор как коллективное творчество народа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 286 с.
2. Афанасьев А. Н. Религиозно-языческое значение избы славянина // Афанасьев А. Н. Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. М.: Совр. Россия, 1986. 366 с.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Академия, 1998. 512 с.
4. Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М.: Наука, 1989. 368 с.
5. Жигульский К. Праздник и культура. М.: Прогресс, 1985. 336 с.
6. Караулов Ю. Н. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1987. 263 с.
7. Мяло Кс. Оборванная нить // Новый мир. 1998. № 8.
8. Носов Е. И. Усвятские шлемоносцы: повесть. М.: Молодая гвардия, 1986. 240 с.
9. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 464 с.
10. Распутин В. Г. Живи и помни: повести, рассказы. М.: ЭКСМО, 2010. 637 с.
11. Синенко В. С. Поэтический космос русской прозы середины XX века. Уфа: Издательство «Восточный университет», 1997. 151 с.
12. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
13. Терещенко А. В. Быт русского народа. М.: Русская книга, 1999. 312 с.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT "HOME" IN THE LIGHT OF RITUAL TRADITIONS (BY THE MATERIAL OF V. RASPUTIN'S AND E. NOSOV'S NARRATIVES)

Musina Liana Ravilevna
Bashkir State University
musinaliana@yandex.ru

In the article linguistic ways and means of representation of the concept "home" in V. Rasputin's "Farewell to Matyora", "Live and Remember" and in E. Nosov's "Usvyatskie Helmet Wearers" are revealed. The author emphasizes that the concept "home" is an invaluable key to culture comprehension. The main means of the word "home" representation is "social, family and everyday" kinds of rites.

Key words and phrases: concept; conceptual sphere; culture; rite; ritual; moral standard.

УДК 82.512.1–131

Филологические науки

Статья посвящена дастану о Тахире и Зухре, записанному В. Радловым у сибирской этнической группы татар. Автор исследует влияние устного и письменного эпоса на данный вариант, отмечает два источника варианта В. Радлова – это, несомненно, традиции устно бытовавших дастанов, а также литературно-письменные эпические традиции татар Поволжья. Выдвигая концепцию о татарских книжных дастанах, в рассматриваемом варианте, автор раскрывает сочетание фольклорных и индивидуальных начал.

Ключевые слова и фразы: тюркский эпос; фольклор; устный дастан; книжный дастан; версия; вариант; эпический мотив; традиция.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, к. филол. н., доцент
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
lilmuhat@mail.ru

ДАСТАН «ТАХИР И ЗУХРА» ТАТАРСКОГО НАРОДА: ВАРИАНТ В. РАДЛОВА©

Наиболее объемными произведениями на сюжет о Тахире и Зухре у татар Поволжья считаются такие варианты дастана, как «Бабахан дастаны», известный под именем Саяди, «Тахир и Зухра», составленный А. Курмаши. Существует немало и других. По объему, степени самостоятельности, присутствию или

отсутствию традиционных эпических мотивов, стилю изложения материала варианты отличаются друг от друга, но общий сюжет, единые образы, повторяющиеся мотивы с разными нюансами в разных вариантах объединяют эти дастаны в одно, вызывают необходимость рассматривать их как различные варианты татарской национальной версии. Наличие вариантов произведения – неопровержимое доказательство того, что произведение, несомненно, народное. В данной статье мы остановимся на варианте «Фахира и Зухры», изданном в 1872 году в Санкт-Петербурге В. Радловым [4, с. 274-286]. Цель анализа – раскрыть промежуточное положение дастана о Тахире и Зухре у татарского народа между фольклором и литературой. Подобный анализ отдельных вариантов эпического памятника очень важен при изучении национальной версии дастана в целом. Устно-поэтический образец дастана, записанный у сибирских татар, свидетельствует о том, что содержание сказания о Тахире и Зухре народу было известно с давних времен.

Дастан имеет большой объем и повествуется на диалекте сибирских татар. Восточный диалект татарского языка нашел отражение и в названии произведения: дастан называется «Файыр и Сеурэ». Имя информанта не обозначено, поэтому условно принято называть этот текст вариантом В. Радлова.

Сюжет дастана, в основном, народно-традиционный. Текст начинается в духе восточных лиро-эпических произведений. Делается краткое сообщение о двух ханах – Ал-хане и Кюль-хане. Во время охоты они увидели убегающую на гору зайчиху. Зайчиха оказалась беременной. Старший из ханов – Кюль-хан, вспомнив оставшуюся дома беременную жену, не стал в нее стрелять. Ал-хан также, согласившись с Кюль-ханом, оставил зайчиху в покое. Оказалось, что и у Ал-хана жена беременна. Эти эпизоды позволяют выяснить, к какому эпическому произведению примыкает вариант В. Радлова. Это, несомненно, более древний дастан, известный как народное сказание «Жузы Курпеч и Баян сылу». В некоторых эпизодах эти два произведения почти буквально перекликаются.

Если в вариантах «Фахир и Зухра» Саяди или же Курмаши хан выходит на охоту со своим визирем, и в этом заметна, в какой то степени, идея социального неравенства, то здесь родители и девушки и юноши – ханы. У Ал-хана рождается сын, у Кюль-хана – дочь. Если у Саяди и Курмаши отцы решают породниться потому что это предписано и об этом им сообщено заранее, то здесь им никто не дает никакого совета, и они по своей воле принимают такое решение. Но в то же время, в сюжет не привносится ничего нового: нежелание отдавать девушку за юношу рождается и здесь. Однако противоречие в варианте В. Радлова заметно отличается от противоречий у Саяди и Курмаши. Для этого в произведении появляются своеобразные эпизоды. По дороге с охоты отец Тахира Ал-хан падает с лошади и погибает. Для того, чтобы не отдавать дочь за сироту, Кюль-хан переезжает в другой город. Это характерно для фольклорного произведения, здесь нет стремления подчеркнуть социальный смысл произведения.

В стихотворной части тюркских дастанов одно из важнейших мест составляют эпизоды причитания. Такие эпические изображения, определяющие особенности устного исполнения произведения, были очень популярны в ногайском, крымско-татарском, казахском и др. Тюркских эпосах. В варианте «Фахира и Зухры» В. Радлова, когда Тахир уходит на поиски своей невесты, его мать, предчувствуя надвигающуюся беду, причитает:

Баламны инде күрмәем, / Баламны куып барып китәем,
Әйгә алып кайтараем! / Әер бияне алып килең [Там же, с. 276]! / Своего дитя уже не увижу, / Поеду за ним вдогонку, / Верну его домой! / Приведи табунного коня! (Перевод автора – Л. М.)

Мать, сев верхом на коня, выезжает из города, догоняет сына и уговаривает вернуться обратно. Диалог матери и сына сводится к повторению ответов друг друга в несколько измененной вариации.:

Кайт, балам, кайт, балам! / Бу юлдан син кайтмасаң,
Мин сине тагы күрмәсәм, / Бу әемдә тормаен!
Кыйгудан цыккан кырык бүре, / Аннан ницек цыгарсын?
Айгайдан цыккан алтмыш бүре, / Аннан ницек цыгарсын?
Цыцкан үтмәс цытырман, / Цытырманнан ницек цыгарсын [Там же, с. 277]? /

Вернись, дитя мое, вернись! / Если ты не вернешься по этой дороге, / Если я тебя больше не увижу, / В моем доме не живи! / Со стороны реки навстречу вышли сорок волков («сорок» – эпическое число, и в тюркском эпосе оно встречается часто – Л. М.), / Что будешь делать? / Из зарослей вышли сорок волков, / Что будешь делать? / Как пройдешь через дремучие заросли, / Через которые не может пройти даже мышь? (Перевод автора – Л. М.)

Такие повторы, специально произносимые выражения напоминают древние эпические клише тюркских героических дастанов. Тахир в ответе матери повторяет все перечисленные ею препятствия в той же последовательности, и такими же стихотворными строками говорит о том, как он их будет преодолевать, в духе героя тюркского эпоса обещает, что сдержит свое слово.

Такой же эпизод имеется и в «Жузы Курпеч...». Герой, узнав от матери, где его жена, взяв боевое оружие отца, попросив мать приготовить в дорогу еду, оседлав своего коня, собирается на поиски жены. В этот момент между матерью и Кузы происходит стихотворный диалог, в которой мать рассказывает ему о своем сне:

Бүгендә яман тәш күрдем, балам, / Уйның утыз бүресе, балам,
Аннан кайдан цыгарсын, балам? / Кырның кырык бүресе, балам,
Аннан кайдан цыгарсын, балам [Там же, с. 12]? / Видела сегодня плохой сон, дитя мое, / Играешь ты с тридцатью волками, дитя мое, / Как ты выберешься оттуда, дитя мое? / Сорок волков долины, дитя мое, / Как ты выберешься оттуда, дитя мое? (Перевод автора – Л. М.)

Затем следует ответ Кузы в той же последовательности. Подобные формульные выражения, повторяющиеся в нескольких местах текста, представляют собой традиционный прием в тюркском героическом эпосе. Например, в ногайских дастанах «Айсул улы Ахмат», «Жопланлы батыр», «Ммай», «Адел солтан», «Әр Кусеп», «Елкилдек батыр» и др. есть монологи плача в связи со смертью героя. Через причитания сказитель оказывал на слушающую публику большое эмоциональное воздействие.

В татарских книжных дастанах такие эпизоды претерпели сильные изменения [1]. Это означает значительное сокращение либо полный пропуск в книжных дастанах эффективных по воздействию мест, традиционно произносимых устами сказителя в других тюркских версиях. В варианте В. Радлова использование данного, выигрышного для сказителя, метода непосредственно берет начало от традиционного тюркского эпоса.

Упомянутые выше специальные выражения, повторы, основанные на аллитерации, стихотворные диалоги, уход героя на поиски своей помолвленной невесты, плачи-причитания матери, описание преодоления Тахиром всех препятствий на пути поиска девушки – это приемы, характерные для дастанов, исполняемых импровизаторами перед народной аудиторией. Лучшая сохранность техники устного исполнения именно в данном варианте объясняется тем, что этот вариант «Фахира и Зухры» был записан из уст сибирских татар [2]. В записанном у сибирских татар варианте доминирует фольклор, текст и по содержанию, и по форме бытования близок к древнему традиционному эпосу. И действительно, варианты дастанов, записанных у сибирской этнической группы татар особенно в ранний период, как правило, приближены к традиционным дастанам казахов, ногайцев, башкир, крымских татар, туркмен и др. народов, в эпической традиции которых преобладает устно-исполнительский эпос. Это связано с рядом факторов: их длительное существование в условиях кочевой или полукочевой жизни, более поздний приход к исламу и городской жизни, долгое соседство с народами, в творчестве которых доминировало творчество импровизаторов-сказителей и др.

В то же время в варианте В. Радлова некоторые события настолько подробно излагаются, что в плане событийного развития и образности дастан начинает походить на литературное произведение. Например, сделав такой сундук, что «если сядет, голова не заденет крышку, а ляжет – ноги не упрутся в стенку сундука, изнутри серебряный, снаружи золотой, изнутри закрывается и вода не попадает» [4, с. 280], Тахира сплавляют в нем по воде. В описании сундука доминируют литературные приемы. Сплавление Тахира по воде в сундуке, будучи мотивом встречи с другим миром, восходит к мифологическому мировоззрению и к письменным памятникам древнего Египта. Наличие этого, основанного на интриге, сюжета в варианте В. Радлова показывает пересечение народных традиций в татарском эпосе с древней письменной культурой [3, с. 42].

Наличие в варианте Радлова эпизодов, связанных с условиями городской жизни феодального средневековья, приближают это произведение к литературно-письменным традициям. В дастане повествуется, что и Алхан и Кюль-хан живут в городских условиях, Тахир и Зухра вместе ходят в школу. Далее герой, узнав о помолвленной девушке, вскакивает на коня и выходит в путь за пределы города и т.д. А в «Жузы Курпеч...» говорится о кочевом образе жизни ханов. Помимо того, все герои «Фахира и Зухры» живут по канонам ислама, соблюдая религиозные обычаи, что ярко отражается в повествовании. А в «Жузы Курпеч...» мусульманская идеология носит лишь поверхностный характер, это свидетельствует о его отношении к более раннему тюркскому эпосу. Следовательно, несмотря на сохранение традиционного народного дастанного духа, под влиянием татарских вариантов книжного характера, вариант В. Радлова также испытал сильные изменения.

Устное бытование дастана о Тахире и Зухре в татарском народе говорит о следующем: несмотря на то, что самые совершенные варианты у татар были зафиксированы письменно, до конца XX века в народе сохранялось и устное исполнение «Фахира и Зухры». Это одно из доказательств того, что данный популярный сюжет у татар не до конца утратил устные фольклорные традиции.

Резюмируя, можно сказать, что вариант Радлова своим сюжетом, идеями опирается на традиции татарского и тюркского эпоса. На произведение оказало сильное влияние дастан «Жузы Курпеч и Баян сылу», широко распространенный в XIII-XV вв. в творчестве тюркских народов, отразивший кочевую жизнь и архаичные бытовые условия. В то же время дастан не лишен влияния полулитературных, полужанровых текстов произведений Саяди и Курмаши. Это факт, свидетельствующий о книжной ориентированности эпического творчества поздней эпохи сибирских татар. Общность сюжета, мотивов, переплетенность поступков героев с поступками в других татарских вариантах дастана ставит это произведение в один типологический ряд с другими книжными дастанами татарского народа.

Список литературы

1. Мухаметзянова Л. Х. Татарские книжные дастаны: взаимодействие эпического фольклора и литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34). Ч. 3. С. 111-118.
2. Мухаметзянова Л. Х. Традиционный стиль, сюжет и мотивы в романтическом книжном дастане о Тахире и Зухре // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 87. № 3 (332). С. 71-74.
3. Повесть Петенсе III. Древнеегипетская проза. М.: Худ. лит., 1978. 304 с.
4. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1872. Ч. IV. Наречие барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. 412 с.

DASTAN “TAKHIR AND ZUKHRA” OF THE TATAR PEOPLE: V. RADLOV’S VERSION

Mukhametzyanova Liliya Khatipovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
lilmuhahat@mail.ru

The article is devoted to the dastan about Takhir and Zukhra put down by V. Radlov with a Siberian ethnical group of Tatars. The author investigates the influence of oral and written epos on this version, identifies two sources of V. Radlov’s version – it is, undoubtedly, the traditions of oral dastans and also literary epic traditions of the Volga region Tatars. Introducing conception about the Tatar written dastans, in the investigated version the author identifies the combination of folkloric and individual principles.

Key words and phrases: Turkic epos; folklore; oral dastan; written dastan; version; variant; epic motive; tradition.